

ОРДЕН ПЯТОЧКА и МАГИИ

ЛИНА ФЛАММИЯ

Лина Фламмия

Орден пяточка и магии

«Автор»

2026

Фламмия Л.

Орден пяточка и магии / Л. Фламмия — «Автор», 2026

Ведьма-неудачница. Тиран-Магистр. Один несчастный случай — и он превращается в розового поросёнка. Теперь она прячет его в корзине, он командует побегом из собственной резиденции, а вместе они крадут печати власти и проходят Лабиринт Желаний. На кону — трон, город и вопрос: что сильнее, ненависть или картошка с запахом бекона?

© Фламмия Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дефект сияния	5
Глава 2. Свирина высшего совета	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ли́на Фламми́я

Орден пяточка и магии

Глава 1. Дефект сияния

Солнце над Школой Праведного Зельеварения и Стихийных Бед обычно светило умеренно, как и полагается по уставу. Но Селесте всегда казалось, что оно светит лично на неё — просто чтобы подчеркнуть, насколько она не вписывается в этот мрачный, пропитанный запахом жжёной серы и кошачьей мочи пейзаж.

Селеста была ведьмой. Теоретически. У неё был диплом, выданный скорее из жалости и желания ректора поскорее избавиться от "этого светящегося недоразумения", чем за реальные заслуги. И у неё были волосы.

Проблема 1: Волосы

В мире где были ведьмы ценились оттенки воронова крыла, глубокий рыжий или, на худой конец, мышино-серый. Волосы Селесты были белыми. Не седыми, не платиновыми, а именно белыми, как чистый лист пергамента. Они слегка подсвечивались в темноте, выдавая её местоположение при любой попытке скрытного перемещения.

— Селеста, ты не ведьма, ты — маяк для инквизиции, — часто говаривала её наставница, мадам Мортифер, протирая монокль. — Если нас придут сжигать, я просто укажу на тебя, и, поверь, они решат, что ты уже святая и уберутся восвояси.

Сейчас Селеста сидела на краю своей скрипучей кровати в комнате, которую она снимала над лавкой старьевщика. Диплом в рамке висел на стене криво. Слово "Удовлетворительно" в графе "Боевая магия" было обведено жирным кружком, под которым кто-то (явно декан) приписал: Чудо, что никто не погиб.

Она попыталась сотворить простейшее заклинание бытового комфорта — "Тёплый завтрак"

Ожидание — хрустящий тост с маслом и горячий кофе.

Реальность — тост обуглился до состояния антрацита, а кофе превратился в ледяное желе со вкусом фиалок.

— Опять... — прошептала она, глядя на свои ладони. Между пальцами проскакивали не привычные зелёные искры ведьминской силы, а чистые, белые разряды, похожие на статическое электричество богов.

Вспоминая годы учёбы, Селеста искренне удивлялась, как её не исключили на первом курсе. Хотя нет, она знала ответ: её просто боялись трогать. Любое проклятие, направленное в её сторону, либо рикошетило в случайного прохожего, либо превращалось в букет ромашек. Она была "неудачницей" не потому, что у неё ничего не получалось, а потому, что у неё всё получалось "неправильно".

На экзамене по призыву фамильяра вместо солидного чёрного кота или хотя бы жабы, Селеста призвала упитанного золотистого ретривера с крыльями бабочки. Пёс, названный Пушком, обладал аурой абсолютного дружелюбия, которая парализовала волю злобных тварей из подземелий школы — они просто ложились и просили почесать им пузико. Кафедра некромантии была в ярости. В лабораторной по ядам её "Смертельный отвар" оказался настолько вкусным и целебным, что излечил хронический ревматизм у проверяющего инспектора. Селесту обвинили в "несанкционированном проявлении святости".

На выпускном балу она случайно чихнула во время танца, и её магический выброс переокрасил мантии всех присутствующих в нежно-розовый цвет. Сегодня был её первый день взрослой жизни после выпуска. В кармане звенело три медных монеты, а в желудке урчало так,

будто там поселился голодный дракон. Она подошла к зеркалу. Белые волосы сегодня сияли особенно ярко — явный признак того, что магия внутри неё нервничает.

— Так, Селеста. Ты дипломированный специалист. Ты можешь... ты можешь... — она замолчала, пытаясь придумать хоть что-то, что она делает предсказуемо. — Ты можешь приносить неудачу самой неудаче.

Её план был прост и амбициозен: найти работу, где её "дефект" станет эффектом. В городе Окхейвен как раз требовался "специалист по нейтрализации аномалий". Ну, или хотя бы кто-то, кто не боится заходить в заброшенные склепы. Она накинула на голову глубокий капюшон, который всё равно светился изнутри, как абажур, и вышла на улицу. Город жил своей жизнью: ведьмы на метлах (модели Стрела-2000) пролетали над крышами, алхимики зазывали на дегустацию зелий от похмелья, а инквизиторы лениво жевали булочки, делая вид, что никого не замечают. Селеста шла, стараясь не задевать прохожих. Она знала: если она случайно столкнётся с кем-то, у того либо развяжутся шнурки, либо он внезапно выиграет в лотерею. Третьего не дано.

Биржа труда для магически одаренных лиц располагалась в здании, которое раньше было моргом, и, честно говоря, атмосфера там сохранилась соответствующая. Тяжелые дубовые двери, покрытые слоем многолетней пыли и защитными рунами от сглаза, скрипели так, будто каждый посетитель наступал на хвост невидимому демону. Селеста поправила капюшон, который отчаянно пытался скрыть её сияющую шевелюру. Бесполезно. Свет пробивался сквозь дешевую ткань, создавая вокруг её головы ореол, из-за которого она была похожа на святую с похмелья.

— Следующий! — гаркнул голос, больше похожий на скрежет несмазанных петель. Селеста вошла в кабинет. За массивным столом сидел господин Шаркун — чиновник с лицом, напоминающим сушеную сливу, и глазами, в которых застыла вековая скука. Он даже не поднял головы, когда она вошла.

— Имя, специализация, уровень угрозы для общества, — монотонно пробормотал он, листая пергаменты.

— Селеста Сильверфолл. Ведьма общего профиля. Диплом Школы Праведного Зельеварения... — она запнулась, — с отличием по дисциплине "Теория вероятностей".

Шаркун поднял взгляд. Его глаза медленно переместились с её лица на капюшон, из-под которого выбивался ослепительно белый локон. Он медленно отложил перо.

— Ведьма, говорите? — он прищурился. — А почему вы выглядите так, будто вас только что отстирали с отбеливателем в святой воде?

— Это... генетическая особенность, — Селеста попыталась улыбнуться, но вышло жалко. — Моя магия имеет специфический спектр. Но я очень старательна! Я могу проклинать, варить яды, насылать порчу на мелкий рогатый скот...

— Хорошо, — Шаркун вытащил из стопки листок. — У нас есть вакансия: нужно наложить проклятие "Вечной чесотки" на конкурента одного уважаемого гильдейского мастера. Справитесь?

Селеста выпрямилась. Ну, чесотка — это база. Это учат на втором курсе. Она сконцентрировалась, пытаясь вызвать в душе привычную ведьминскую злобу. Она вспомнила, как в детстве у неё отобрали конфету, как её дразнили "Снежинкой"... В её ладонях зародился шар света. Он был не черным, не фиолетовым, а ярко-белым, как вспышка магии.

— Scabies Aeterna! — выкрикнула она, целясь в манекен в углу. Раздался звук, похожий на звон тысячи колокольчиков. Манекен не зачесался. Вместо этого он покрылся мягким, белоснежным мехом, начал издавать аромат свежескошенной травы и... запел. Тихим, умиротворяющим голосом он выводил балладу о вечной любви. В кабинете повисла тишина. Шаркун смотрел на поющий манекен, потом на Селесту, потом снова на манекен.

— Девушка, — медленно произнес он, — мне заказали чесотку. Вредительство. Социальную деградацию. А вы... вы сотворили объект интерьера, который повышает уровень серотонина в радиусе пяти метров. Вы понимаете, что это профнепригодность?

— Но посмотрите, какой мех! — отчаянно воскликнула Селеста. — Его же можно стричь!

— Вон, — Шаркун указал пальцем на дверь. — Идите в храм. Или в детский сад. Нам нужны ведьмы, которые несут тьму и хаос, а не те, кто превращает порчу в сеанс психотерапии.

— Но мне нужна работа! Мне нечем платить за комнату!

— Могу предложить вакансию "Живой фонарь" в городских доках, — буркнул чиновник, снова берясь за перо. — Но учтите, матросы народ грубый, могут и камнем кинуть, если будете светить слишком ярко. Следующий!

Селеста брела по вечернему городу, чувствуя, как внутри всё сжимается от несправедливости. Даже фонари, работающие на дешевом эфире, казались ей более востребованными, чем она. Дождь начинал накрапывать, и капли, соприкасаясь с её волосами, едва заметно шипели, превращаясь в крошечные светящиеся искорки. Она поднялась по шаткой лестнице в свою каморку над лавкой старьевщика. Дверь, как обычно, была не заперта — воровать у неё было нечего, кроме старых котлов и стопки учебников.

— Я дома, — глухо произнесла она, скидывая мокрый плащ. Из темного угла под кроватью донеслось радостное похрюкивание, переходящее в заливистый лай. Секунду спустя на неё вылетело нечто золотистое и пушистое. Пушок, её фамилляр-недоразумение, был в восторге. Его крылья — точные копии крыльев махаона, только размером с лопух — суматошно трепетали, поднимая в воздух пыль и обрывки старых газет. Он повалил Селесту на пол, пытаясь облизать ей лицо своим длинным розовым языком.

— Фу, Пушок! Прекрати! Я в депрессии, — Селеста пыталась оттолкнуть пятидесятикилограммовое "счастье". Пёс не слушал. Он перевернулся на спину, задрал лапы вверх и подставив массивное, покрытое золотистой шерстью пузико. Его крылья при этом сложились, как веера, жалобно шурша.

— Ох, ну ладно, иди сюда, — вздохнула Селеста. Она начала чесать ему живот, и Пушок зажмурился от удовольствия, издавая звуки, средние между мурлыканьем трактора и сопением мопса. Его магия — такая же светлая и нелепая, как у хозяйки — заставляла воздух вокруг них пахнуть ванильным печеньем.

— Ты хотя бы понимаешь, что мы на грани выселения? — спросила она, аккуратно расправляя ему одно из крыльев. Тонкие чешуйки на крыльях переливались всеми цветами радуги. — Нас не берут в ведьмы. Нас не берут в отравители. Мы с тобой — ошибка природы.

Пушок вдруг вскочил, виляя хвостом так сильно, что сбил со стола пустую кружку. Он подбежал к углу, где стояла его корзинка, и начал чем-то там шумно возиться.

— Пушок, если ты опять притащил дохлую крысу, я... Она осеклась. Пёс, гордо задрал голову, тащил к ней нечто массивное, завернутое в промасленную бумагу. С тяжелым стуком "трофей" приземлился на пол прямо перед Селестой. Она осторожно развернула бумагу и ахнула. Это был огромный, сочный, копченый свиной окорок. От него исходил такой божественный аромат, что у Селесты мгновенно закружилась голова.

— Пушок... — прошептала она. — Откуда это? Ты... ты это украл? Пёс радостно гавкнул и вильнул хвостом. В его глазах светилась абсолютная уверенность в собственной правоте. Он явно считал, что раз хозяйка не может добыть еду магией, то он, как верный фамилляр, должен применить навыки тактического грабежа.

— Это же окорок из лавки мясника Ганса! — Селеста в ужасе прижала руки к щекам. — Он же нас проклянет! Хотя нет, он обычный человек... Он натравит на нас городскую стражу! Пушок подошел ближе и ткнулся носом в её руку, а затем снова подставил крылышко для чистки.

— Ты понимаешь, что ведьмы должны воровать младенцев или хотя бы редкие ингредиенты для зелий? — она взяла нож и, не выдержав, отрезала тонкий ломтик розового мяса. — А мы ворует ужин...

Она отправила кусочек в рот. Вкус был запредельным. Селеста зажмурилась, чувствуя, как жизнь возвращается в тело. — Ладно, — сказала она, жуя. — Будем считать это... гуманитарной помощью от вселенной. Но завтра, Пушок, мы идем искать работу вместе. Если они не хотят брать одну ведьму, пусть попробуют отказать ведьме с летающим псом-клептоманом.

Пушок в ответ издал победный "вув", и его крылья на мгновение вспыхнули ярким золотым светом, осветив их крошечную, бедную, но теперь вкусно пахнущую каморку. Селеста вздохнула, глядя его по шелковистой голове. Возможно, она и была худшей ведьмой в истории, но у неё определенно был самый эффективный фамилльяр по части снабжения.

Глава 2. Свинина высшего совета

Утро началось с того, что Селестина (для друзей и кредиторов просто Сел) пыталась оттереть жирное пятно от окорока со своей единственной выходной мантии. Мантия была серой, но под её руками она вечно норовила стать нежно-жемчужной.— Пушок, если мы сегодня не найдем работу, завтра мы будем воровать не окорок, а искать где ночевать, — проворчала она, натягивая капюшон. Пушок преданно гавкнул, задев крылом стопку тарелок. Тарелки не разбились, а внезапно превратились в фарфоровых бабочек и улетели в окно. Сел только вздохнула. Это был обычный вторник. Центральная площадь Окхейвена бурлила. Сел пробиравась сквозь толпу, сжимая в руке пачку самодельных объявлений: "Услуги ведьмы. Быстро. Светло. Непредсказуемо. Оплата едой или звонкой монетой". И тут мир вокруг неё будто замедлился. Толпа внезапно расступилась, как воды Красного моря перед пророком. По мостовой шел ОН. Мортикус Де Ле Рафер.

Глава Высшего Совета, магистр тринадцати орденов и человек, чьё имя обычно произносили шепотом, чтобы не вызвать внезапный град или налоговую проверку. Он двигался с грацией породистого хищника. Черная мантия, расшитая серебряными нитями, развевалась на ветру, хотя ветра в городе не было — воздух просто боялся не подчиниться его харизме. Лицо его было безупречным, острым и холодным, как лезвие ритуального кинжала.

Сел, засмотревшись на то, как эффектно переливаются его сапфировые пуговицы, не заметила выставленную вперед трость с набалдашником в виде черепа ворона.

Хрясь.

Селестина влетела прямо в расшитую грудь Великого и Ужасного. Пачка объявлений веером разлетелась по чистым сапогам магистра.

— В бездну твою бестолковость! — голос Мортикуса прозвучал как удар грома в пустой бочке. — Ты что, девица, лишилась зрения вместе с остатками здравого смысла?

Он брезгливо отряхнул мантию там, где её коснулись пальцы Сел. Магистр посмотрел на неё сверху вниз, и его глаза, темные как грозовое небо, вспыхнули раздражением.

— Простите, господин Магистр, я просто... — начала было Сел, собирая бумажки.

— «Просто»? — перебил он, переходя на ядовитый тон. — Ты хоть понимаешь, на кого ты наткнулась, светящаяся ты недоросль? Моё время стоит дороже, чем вся твоя никчемная жизнь вместе с этим... — он брезгливо указал тростью на Пушка, который как раз пытался обнюхать магическую сумку Мортикуса, — ...летающим недоразумением.

Сел почувствовала, как в груди закипает что-то горячее. Не страх. Обида. Чистая, концентрированная ведьминская ярость, которая у неё всегда пахла озоном и жженым сахаром.

— Послушайте, господин "Я-Гроза-Района", — она выпрямилась, откидывая капюшон. Её белые волосы вспыхнули на солнце так ярко, что прохожие зажмурились. — Я извинилась. Столкнуться может каждый. Не надо орать на меня так, будто я только что подожгла вашу драгоценную бороду, которой у вас, кстати, даже нет! Совесть-то имейте!

Мортикус замер. Никто в этом городе не смел говорить с ним в таком тоне. Его лицо побледнело, а вокруг пальцев начали виться черные змеи чистой тьмы.

— Ты... жалкая девка с дефектом пигментации... — прошипел он, поднимая руку для щелчка, который должен был превратить Сел в кучку пепла (или хотя бы в очень грустную жабу). — Ты смеешь поучать МЕНЯ?

В этот момент магия внутри Сел, подогретая праведным гневом и вчерашним окороком, сорвалась с цепи. Она не хотела колдовать. Она просто хотела, чтобы он замолчал.

— Да замолчи ты уже! Хватит вести себя как... как боров недорезанный! — выкрикнула она, вскидывая руки.

Вместо привычного заклинания "Немоты", из её ладоней вырвался столб ослепительно-розового света с золотыми искрами. Бабахнуло так, что в соседней лавке алхимика лопнули все колбы с эликсиром бодрости.

Когда дым (пахнувший клубничной жвачкой) рассеялся, толпа ахнула.

Там, где секунду назад стоял великий и ужасный Мортикус Де Ле Рафер в своих дорожных сапогах, теперь лежала его пустая черная мантия. А из-под воротника мантии, отчаянно барахтаясь в шелках, выбиралось нечто маленькое, розовое и очень возмущенное.

Это был поросенок. Маленький, гладенький, с идеально закрученным хвостиком. Но самое страшное — у поросенка остались те же самые холодные, яростные сапфировые глаза магистра.

— ХРЮ?! — выдал поросенок. А потом, потрянув ушами, пронзительно закричал: — ТЫ ЧТО СДЕЛАЛА, ТЫ, БЕЛОБРЫСАЯ КАТАСТРОФА?! ВЕРНИ МЕНЯ ОБРАТНО! НЕМЕДЛЕННО!

Сел застыла, прикрыв рот ладошкой. Пушок подошел к поросенку и с интересом его обнюхал.

— Ой, — только и смогла выдавить она. — Кажется, я переборщила с эпитетами.

— 'ОЙ'?! — поросенок Мортикус попытался величественно топнуть копытцем, но только поскользнулся на собственном объявлении Сел. — Я ТЕБЯ В ПУСТЫНЮ СОШЛЮ! Я ТЕБЯ В КОТЛЕ СВАРЮ! ПОЧЕМУ Я ГОВОРЮ ЧЕРЕЗ ПЯТАЧОК?!

На рыночной площади Окхейвена повисла такая тишина, что было слышно, как в соседнем квартале у алхимика доваривается зелье от поноса. Сотни глаз — торговцев, стражников и простых зевак — были прикованы к маленькому розовому пяточку, который торчал из кучи неоправданно дорогого черного шелка.

— Ты... — поросенок Мортикус предпринял героическую попытку выбраться из рукава собственной мантии. Его копытца скользили по подкладке, и он выглядел как розовый десерт, пытающийся сбежать с тарелки. — Ты хоть понимаешь, что ты совершила акт государственного терроризма, девица?! Мои юристы... Мои инквизиторы... ХРЮ!

Последнее «хрю» вырвалось против его воли, и глаза Мортикуса — те самые ледяные сапфиры — налились кровью от ярости.

Селестина стояла, парализованная ужасом. Её белые волосы сияли так ярко, что она была похожа на неисправный уличный фонарь.

— Я... я просто хотела, чтобы вы замолчали! — пролепетала она, пятясь назад. — Вы первый начали орать! Это была самооборона!

— САМООБОРОНА?! — Мортикус наконец выпутался и встал в позу, которая, по его мнению, была величественной, но с точки зрения биологии напоминала подготовку к прыжку за морковкой. — Я Глава Высшего Совета! Я превращу тебя в пыль! Я... я...

Он зажмурился, концентрируя свою колоссальную волю. Воздух вокруг поросенка начал темнеть, заискрились черные молнии, толпа в ужасе отхлынула. Сел зажмурилась, ожидая испепеляющего удара...

Плюх. Вместо смертоносного заклинания из пяточка Мортикуса вылетел большой, переливающийся всеми цветами радуги мыльный пузырь. Он медленно подплыл к носу Селестины и лопнул, обдав её запахом детской присыпки и лаванды.

— Что за... — Мортикус посмотрел на свои копытца. — ХРЮ-У-У?!

— Кажется, ваша магия прошла через мой... э-э-э... фильтр, — рискнула предположить Сел. — Мои заклинания всегда немного... специфические.

В этот момент тишина на площади лопнула. Стражники, до которых наконец дошло, что их прямого начальника только что превратили в ингредиент для холодца, начали хвататься за алебарды.

— Лови её! — закричал капитан стражи, чей шлем съехал набок от удивления. — Хватай светящуюся! И свинью... то есть, господина Магистра тоже хватай! Но нежно!

— Пушок, валим! — Сел поняла, что время для объяснений закончилось.

Она бросилась вперед, подхватила возмущенно визжащего Мортикуса под мышку (он был удивительно плотным для такого маленького существа) и рванула в ближайший переулок.

— ПУСТИ МЕНЯ, ГРЯЗНАЯ ДЕВЧОНКА! — орал поросенок, дергая короткими ножками. — МОИ ДОСПЕХИ! МОЯ РЕПУТАЦИЯ!

— Заткнитесь, господин Магистр, или я вас в корзинку с углем засуну! — пригрозила Сел, перепрыгивая через ящик с гнилыми помидорами.

Пушок летел следом. Его огромные крылья махаона хлопали с частотой вертолетных винтов, создавая такие воздушные потоки, что прилавки с овощами разлетались в стороны. Пёс воспринимал всё происходящее как самую веселую игру в своей жизни. Он периодически пикировал на преследователей, обдавая их облаками золотистой пылицы, от которой стражники начинали безудержно чихать и признаваться друг другу в вечной дружбе.

— Налево! — скомандовал Мортикус, внезапно перестав брыкаться.

— Что? — Сел едва не вписалась в стену.

— Налево, дура! Там тупик, но над ним есть пожарная лестница! Если ты меня уронишь, я клянусь, я заставлю тебя переписывать устав Совета зубочисткой!

Сел подчинилась. Она бежала так, как не бегала даже на экзамене по физкультуре, когда за ними пустили стадо разъяренных грифонов. Её белые волосы развевались, оставляя в воздухе светящийся след, который очень дезориентировал погоню.

Они влетели в узкий проход. Стены здесь были покрыты мхом и подозрительной слизью.

— Прыгай на те бочки! — командовал розовый стратег, зажатый у неё под локтем. — Теперь за перила! Быстрее, я слышу сапоги этого идиота капитана!

Сел подтянулась на ржавой лестнице, Пушок подтолкнул её снизу своим мощным лбом, и они оказались на крыше склада. Девушка упала на черепицу, тяжело дыша. Мортикус выскользнул из её рук и принялся яростно отряхивать свою розовую шкурку от пыли.

— Это фиаско, — заявил поросенок, глядя на свои копытца с бесконечной грустью. — Я — самый могущественный маг континента. Я читал свитки древних богов. Я могу остановить сердце дракона одним словом. И теперь... теперь я розовый и пахну лавандой.

— Зато вы живы! — Сел попыталась быть оптимисткой. — Если бы вас схватили стражники в таком виде, они бы заперли вас в золотой клетке и кормили трюфелями до конца дней. Это же унижительно.

Мортикус поднял на неё свои сапфировые глаза.

— А тащить меня под мышкой через весь город — это, по-твоему, триумф воли?

Снизу доносились крики стражи и лай собак. Пушок приземлился на крышу рядом с ними, сложил крылья и тут же попытался лизнуть Мортикуса в пяточок. — Убери это чудовище! — взвизгнул Магистр, прячась за ногу Селестины. — Оно хочет меня съесть! — Он просто знакомится, — Сел присела на корточки, глядя на маленького тирана. — Итак, господин Мортикус. У нас проблема. Я не знаю, как вернуть вас обратно. Мои заклинания... они обычно не имеют обратного хода. Пока сами не выветрятся. Мортикус замер. — "Пока не выветрятся"? — переспросил он шепотом. — И сколько обычно длится твой... дефект? — Ну... — Сел задумчиво накрутила на палец светящийся белый локон. — Мой троюродный дядя, которого я случайно превратила в кактус, начал давать побеги через месяц. Полностью отрос только к зиме и к следующей весне снова стал человеком. Хотя с вами я не уверена что будет такой же эффект. Мортикус издал звук, похожий на сдувающийся шарик. Он сел на хвост-крючок и уставился в пространство. — К весне. Я буду свиньей до весны. У меня завтра встреча с послом Некрополя. Мы должны были обсуждать демаркацию границ мира мертвых. А я буду... хрюкать. — Может, посол любит поросят? — робко предположила Сел. — Посол — пятисотлетний вампир

на диете, — отрезал Мортикус. — Он любит поросят только с яблоком во рту. Он посмотрел на свои копытца, потом на Селестину, потом на её летающую собаку. В его голове, даже в свиной, мыслительные процессы шли со скоростью молнии. — Слушай сюда, Недоразумение, — сказал он, принимая максимально серьезный вид, на который способен мини-пиг. — Ты меня заколдовала — ты меня и спрячешь. Если кто-то узнает, что Глава Совета стал бекон, в стране начнется гражданская война. И первыми, кого сожгут на костре, будешь ты и твой мутант-переросток. Сел слотнула. — Вы предлагаете мне... усыновить вас? — Я предлагаю тебе стать моим телохранителем, ассистентом и, если потребуется, живым щитом, — Мортикус высокомерно задрал пяточок. — Ты заберешь меня в свою конуру, будешь кормить лучшими деликатесами и искать способ вернуть мне человеческий вид. Взамен я, так и быть, не превращу твою жизнь в ад... когда снова смогу колдовать что-то серьезнее мыльных пузырей. Сел посмотрела на Пушка. Тот радостно замахал хвостом. — Ну... — протянула она. — У меня дома есть остатки вчерашнего окорока... Ой! Простите, это было бестактно. Мортикус сузил глаза. — Я буду спать на шелковых подушках. И никаких шуток про бекон. Иначе, клянусь бездной, я выучу, как кусаться за пятки в этой форме. Селестина вздохнула. Кажется, её поиски работы завершились самым странным контрактом в истории. Она подхватила Магистра обратно под мышку. — Пошли, Ваше Свинство. Только капюшон наденьте, а то ваш пяточок слишком узнаваемо благороден. Они начали спускаться с крыш, направляясь к её жалкому жилищу, пока городская стража продолжала искать их, даже не подозревая, что судьба мира теперь зависит от того, хватит ли у одной неудачницы еды на прокорм самого капризного поросенка в королевстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.